

АЙДАН

П Р И Т Ч И

Певица и Равнодушный Красавец

Жила на белом свете одинокая Певица. Хоть свет был белым-пребелым, как жемчужно-белые облака на мраморном небе, мысли Певицы от тоски и страшного одиночества были серые-пресерые, а долги, сумрачными осенними и зимними вечерами и вовсе черные-пречерные. Но как удивительно и премудро устроен этот мир! Одинокая Певица обладала божественным голосом. Люди, слушающие его по радио, по телевизору, на концертах, волшебным образом преображались: они обретали сердечную теплоту и любовь. Под звуки ее чарующего голоса они приглашали друг друга на свидания, влюблялись, целовались, женились, дарили друг другу радости любви... Певица же каждый день возвращалась домой, где ее нетерпеливо ожидало холодное одиночество, удобно восседающее на шелковой подушке в ее любимом кресле качалке из плетеного ротанга. И кресло жалостливо скрипело под ним, словно умоляя о помощи. И вообще все в ее комнате: мебель, домашняя утварь, мальвы в горшках на подоконнике – хандрило.

Бог ведь одарил певицу чудодейственным голосом, значит, и судьба у нее должна была быть самой, что ни на есть, сказочно-неправдоподобной, и так оно и было. Просто Певица об этом еще не знала. Для каждого открытия уготовано свое время, и в нужный час человек наконец-то раскроет ту тайну, которая давно в нем жила, но он еще не был готов увидеть и познать ее. А тайна непременно раскроется, и произойдет это очень просто и естественно. В природе все случается именно так: легко, без всяких потуг. Как говорится, идет своим чередом. И в этот день тоже все шло своим чередом.

Певица возвращалась с очередного концерта, был теплый летний вечер, воздух вокруг источал душистый аромат акаций, жимолости и соленого моря, от которого воскресали в памяти забытые грезы детства и счастливые воспоминания о первой любви.

Певица вдруг решила не возвращаться домой, а еще немного погулять, подышать свежестью моря, и свернула на прогулочный пирс. Волны ритмично бились о железные сваи пирса, и Певица тихо запела: «Без глаз и без ума она летит, не ведая сама, куда и как. Она, точь-в-точь как дети, легко попасть в свои же может сети». Но что это было – невинный стишок, загадка или простая детская песенка, она не знала. Так пела когда-то ее мать, так пели ее бабушка, прабабушка, так пела и она, когда у нее было особенно хорошо на сердце, как сегодня. Но это происходило так редко. Под звуки ее изумительного голоса пенные волны еще сильнее прижимались друг к другу, сливаясь в долгий и нежный поцелуй.

– Какие же вы счастливые, волны! А я тону в кромешном одиночестве безлюдья, вокруг меня всего лишь толпа аплодирующих, – прошептала Певица и горько заплакала от пронзительной тоски. Ее слезы катились по щекам, срываясь вниз ключиками, остроконечными льдинками, больно пронзая воды. Девственные волны, не ведавшие мук любви и одиночества, испугались и скрылись в море. Наступил полный штиль. Но через минуту море взволновалось, волны зашумели, встали на дыбы и с грохотом покрыли пирс. Певицу чуть было не снесло в море. Но она цепко держалась за перила, хотя и промокла до нитки. Она подняла голову и увидела спокойно стоя-

щего на самом краю пирса молодого мужчину, читающего газету. Волны продолжали грохотать, как пушечные выстрелы, и осыпать все вокруг неистовыми брызгами.

Певвица закричала:

– Сударь, скорее отойдите или сейчас вас снесет волной.

Но он не тронулся с места и продолжал стоять, как статуя. Она подбежала к нему и увидела, что это была фигура мужчины, филигранно склеенная из газет. Да так утонченно и талантливо, что глаз не отвести. Певвица влюбилась в него с первого взгляда, раз и навсегда! Удивительно, но раньше его здесь не было. Откуда он появился?! Она побоялась дотронуться до него, чтобы не повредить промокшие насквозь тонкие газетные листы. Певвица прижалась губами к его губам, а потом запела: «Без глаз и без ума, она летит, не ведая сама, куда и как. Она, точь-в-точь как дети, легко попасть в свои же может сети». Ее божественный, волшебный голос проник в него, как дух божий в пустое безжизненное семя, из которого впоследствии произрастает цветущая, вечная жизнь. И случилось чудо – человеческая фигура, склеенная из газет, ожила.

– Александр, – невозмутимо сказал он. – А как величают вас?

– Все вокруг зовут меня Певницей, и в этом нет ничего необычного, я к этому привыкла. И давно уже ничьи губы не шептали мне в ласковой истоме: Адалия. Так меня зовут, – ответила она и робко спросила: – Может, вы погостите у меня?

Он ничего не ответил и сдержанно посмотрел на нее. Адалия расценила это как знак согласия. И она поняла, что давно знала его, и он всегда жил в ее квартире. Серая-пресерая комната Адалии приобрела цвет. Это мягкое и теплое свечение излучало сердце ее возлюбленного. Под его прозрачно-фарфоровой кожей она видела маленькую бьющуюся точку, льющую нежную струю света: утром и днем голубовато-зелёную, а вечерами пурпурную. Тем не менее, за все время, пока Александр жил у нее, он не проронил ни единого слова. Он все время молчал, читал газеты и засыпал под ее голос, когда Адалия рассказывала ему о своем детстве, юности, о работе в театре, о мальвах на подоконнике, о том, что музыка умеет говорить, о временах года и о многом другом, что ее интересовало и казалось ей важным. Ведь об интересах, мыслях и вкусах Александра она ничего не знала. Адалии порой казалось, что он бесконечно равнодушен к ней. Но вечерами, когда комната озарялась дивным пурпурным светом, Адалия целые часы просиживала в глубоком безмолвии, любуясь его эфемерной англеской красотой. «Ах, мой равнодушный красавец», – вырвалось у нее однажды из груди. Это прозвище так точно определяло его, что стало его вторым именем. Но Адалия любила Равнодушного Красавца – безумно, искренне, преданно, несмотря на всю его холодность и безмолвие. Всепоглощающее счастье любви, словно бурный поток, захватило и понесло за собою Адалию. Она не расставалась со своим Равнодушным Красавцем ни на миг. А он все время молчал, слушал ее рассказы и читал газету.

Вместе с ним она не заметила, как прошли лето, осень, зима, она больше не боялась ни одиночества, ни горечи утраты; для нее не было ни прошлого, ни будущего, только настоящее, только бесконечное счастье любви!

Наступила весна и весь город упорно готовился к торжеству – в мае должен был состояться бенефис Певницы. В день бенефиса зал ломился от народа: приехали гости, поклонники, почитатели ее таланта, критики из разных стран мира, желающие послушать чарующий голос Певницы. Густая толпа до отказа заполнила театр. Распахнули окна, двери театра. Туча народа, не сумевшая попасть внутрь, стояла на площади перед театром, на прилегающих тротуарах, длинная цепь людей тянулась вдоль улиц вплоть до самого пирса. Все замерли, когда Адалия появилась на сцене. Она запела своим божественным, неизъяснимо прекрасным голосом, и театр превратился в божий храм. Как прихожане вслушиваются в речь священника, так зрители благоговейно внимали каждой ноте, каждому слову, дыханию Певницы.

Она сегодня воистину была неправдоподобно восхитительна и счастлива. Впервые за все время их знакомства в зале присутствовал ее Равнодушный Красавец. Он сидел в первом ряду и смотрел на нее. Сегодня она пела только для него, и ее голос ароматом райского сада проникал в его сердце. Адалия пела до утра – опьяненная восторгом публика устраивала бурю оваций и бесконечно вызывала ее на бис. Концерт окончился, и прошло довольно много времени, прежде чем разошлась многотысячная толпа, утихли крики публики, остались позади утомительная суета и толкотня.

Адалия и Александр стояли, обнявшись, посреди пустого зала. И неожиданно Александр пропел: «Без глаз и без ума, она летит, не ведая сама, куда и как. Она, точь-в-точь как дети, легко попасть в свои же может сети».

– Это старинная загадка, – сказал он. – А отгадка – любовь. Это любовь!

Он посмотрел в ее искрящиеся влюбленные глаза, и они слились в глубоком и страстном поцелуе. От ее пунцовых горячих губ потянулся огонь к его губам, и в этот миг в сердце Равнодушного Красавца вспыхнул пожар любви. И весь театр стал похож на алую утреннюю зарю. А рано утром, когда пришли служители театра, он оказался пуст: Адалия и Александр навсегда пропали, улетучились в небытие. И только на том месте, где случился их первый поцелуй любви, лежал крохотный драгоценный камень, который по утрам и днем светился голубовато-зеленым, а вечерами пурпурным цветом. Люди называли этот камень александритом, и с тех пор все влюбленные дарят его друг другу, и тот, в чьем сердце пылает истинный огонь любви, непременно слышит божественный голос Певицы: «Без глаз и без ума, она летит, не ведая сама, куда и как. Она, точь-в-точь как дети, легко попасть в свои же может сети».

Человек, который споткнулся

Шел по улице Человек, споткнулся вдруг, и, упав на землю, стал корчиться в конвульсиях и вопить от боли. Время от времени он чертыхался, кричал благим матом, но это естественно, боль-то была наисильнейшая.

Первые прохожие посчитали, что он пьян, и нечего с ним связываться, с этим забулдыгой.

Вторые – что он больной, да к тому же на голову. Срежь бела дня упал на землю, горланит, ругается черными словами. Лечится ему надо, дефективному, – думали они.

Третье решили, что Человек лег отдохнуть. Заснул, видит во сне кошмары. Оттого он так кричит, ворочается с одного бока на другой, ничего удивительного, с кем такого не бывало?! Главное, не испугать его, внезапно разбудив.

Четвертые думали, что если даже Человек и упал от некоего физического недомогания, то, по логике вещей, должны найтись сопереживающие или хотя бы один сопереживающий, который и поможет ему.

Пятые же проходили мимо с одной мыслью: человек – это существо свободное, где и как себя вести – это сугубо персональное дело каждого индивидуума, он может, презрев моральные принципы, искромсав всеобщие нравственные законы, размозжив этикету, нивелировав эталоны и втоптав куда поглубже все категории этики и эстетики, наслаждаясь дикостью и необузданностью собственных чувств, жить в свое удовольствие; ляпнуть первое, что придет в голову, не утруждаясь поисками разумно-прекрасной мысли, – резюмировали они в конце.

Шестые – спешили по делам и их крайне раздражало, что кто-то так бессовестно-нагло мешается у них под ногами. Они думали по этому поводу пожаловаться в органы исполнительной власти, дабы метельщики лучше чистили улицы.

Седьмые были самоеды-зануды – опустив головы, быстрыми шажками, суетливо качая головой, они шли по улице и снимали стружку с собственной совести, думая,

почему же они такие слабовольные слюнтяи, бесхребетники ползучие, что не могут помочь никому, и этому несчастному, в частности? И шли дальше, поедая себя поедом.

Восьмые прохожие были из категории счастливчиков. Им всё нипочём, им море по колено. Это те, у которых в одно ухо влетало, из другого вылетало. Благодаря этой вентиляции их мозги сморщились до размеров горошины и не мешали им больше жить. Или, если перевести в цветовую плоскость, им все – фиолетово. «Я здесь ни при чем! Меня это не касается!» – их кредо.

Девятые просто были слепо-глухие. Они-то и представляли подавляющее большинство.

И весь этот разношерстный, разнокалиберный народ стал сходиться со всех сторон, и на улице уже была толпа. Все столпились вокруг упавшего Человека и говорили наперебой, обильно и смачно брызгая слюной.

– Он не может подняться! – восклицал один.

– Ему очень больно, смотрите, как скрючился, – вторил ему другой.

– Еще немного, и он отдаст концы от болевого шока!

– Или от воспаления легких, на улице +3 градуса, асфальт пропитан дождем.

– Смотрите, он бредит, тянет руки наверх, и что-то шепчет...

– Это он к нам обращается за помощью. Несчастный, он в самом деле в глубоком предсмертном бреду, думает, что мы боги и можем ему чем-то помочь!

– Пора бы Господу поторопиться с помощью: еще немного, и он сыграет в ящик.

– При чем тут Господь? Может, этот горемыка – язычник? Тогда поделом ему...

– Нет, господа, во всем виновата гравитация, если бы не она, этот человек не упал бы...

– Что вы говорите, всему причиной наша спешка, мы все время мельтешим, куда-то бежим, суетимся и падаем от усталости...организм, знаете ли, не железный....

– Мысли решают все, они всему виной, стоит только неправильно подумать, ап, и готово, ты упал....

– Какие мысли, надо научиться правильно с утра вставать с кровати; не правой ногой и не левой, а сразу обеими ногами, сложили их вместе, и сбросили бодро на пол...

И тут разгорелся вселенский скандал, и началось великое человеческое словоблудие. Толпа спорила дико и жестоко. Каждый доказывал свою правоту и приводил примеры, откуда только мог. Кто-то притягивал примеры за уши, некто брал их с потолка, один высасывал из пальца, другой, наоборот, тыкал пальцем в небо мировой истории и литературы, цитировали старинные манускрипты, греко-римские свитки, древнеиндийские, шумеро-аккадские трактаты, этот «смотрел в воду», а тот «гадал на кофейной гуще»... Одним словом, разразилась такая какофония, что все перестали друг друга слышать.

Человек, который лежал на земле умер, (его уже не было, он ушел в высь вместе с исчезнувшим эхо...) – так как на улице случился потоп от всеобщего наплевательства, и Человек утонул.

Составляющие толпы, подчиняясь исторически сложившемуся инстинкту стадности, покачали своими тыквообразными головами, развели руками, поцокали языками и, еще раз дружно сплюнув, сказали: «Наверное, так было угодно Богу!» – и толпа рассосалась.